

Цзинь Юнь вышел из дома, но, не заметив в сумерках Чжэн Шаньцы и Юй Ланьи, преспокойно вернулся к себе. Он и представить не мог, что под сенью финикового дерева сейчас разыгрывается сцена, полная немого напряжения. Тяжело дыша, Шаньцы наконец отстранился. Ланьи почувствовал, как в ногах разливается странная слабость. Оба замерли, пытаясь выровнять дыхание; чиновник Чжэн отвел взгляд, его кадык судорожно дернулся, но ни одного слова так и не было произнесено.

Вернувшись в комнату и закончив с вечерними делами, они задули свечи. Ланьи привычно положил голову на плечо мужа, а Шаньцы, помедлив мгновение, снова не удержался — его внутренний перфекционист взял верх.

Он осторожно приподнял голову супруга.

Тот замер, почувствовав, как его подбородок подталкивают вверх. В душе мгновенно вспыхнул огонек раздражения.

«Неужели сейчас снова последует лекция о том, что спать на плече вредно и шею сведет?»

Ланьи даже захотелось отвесить этому зануде апперкот, да такой, чтобы тот впечатался в балдахин кровати и его оттуда было не отодрать.

Однако на этот раз Шаньцы не стал читать нотаций. Вместо этого он переместил голову юноши к себе на грудь. И хотя грудь эта была жестковатой, Ланьи остался доволен: по крайней мере, его не прогнали.

— Так тебе будет удобнее, — негромко произнес Шаньцы.

Ланьи тихонько угукнул, и его гнев мгновенно угас. Прижавшись к мужу и слушая мерный стук его сердца, он ощутил странный трепет — никогда прежде он не был так близок к другому человеку, никогда не прислушивался к чужому пульсу.

Сердце Шаньцы билось под стать его характеру: неспешно и ровно. Ланьи же, напротив, мысленно выругался, чувствуя, как его собственный ритм ускоряется. Он невольно коснулся своих губ, охваченный смущением.

«Кхм...» — мысленно прочистил он горло.

«Не то чтобы я так уж жаждал чего-то определенного, — рассуждал юноша про себя. — Но мы ведь женаты уже порядочно, а я до сих пор не познал „вкуса плоти“. Мне всё же любопытно»

Любопытство жгло его изнутри. В прочитанных втайне книжках говорилось, что для гэ'эр это должно быть весьма приятно.

«К тому же, я до сих пор не знаю, на что способен Шаньцы в этом деле. Не окажется ли он на поверку лишь „вышитой подушкой“ — красивым, но бесполезным?»

Ланьи легонько ткнул мужа в бок.

«Хотя на вид и не скажешь, что он слабак...»

***

Чжэн Шаньцы снова с головой ушел в дела управы. Он уже вполне освоился, работа с документами стала привычной, а приказы исполнялись куда быстрее. Стражники, отвозившие зерно в Цинчжоу после жатвы, как раз вернулись обратно.

Когда пришло время распечатывать горшочки с соусом, Шаньцы зачерпнул ложечку и дал попробовать Ланьи.

Тот слизнул соус и зажмурился от удовольствия:

— Вкусно! Аромат просто чудесный. Если добавить его в жаркое, от одного запаха аппетит разыграется.

Шаньцы дал попробовать новинку и поварам поместья. У тех глаза загорелись:

— Господин, этот соус куда лучше того, что продают на рынке!

— Теперь я спокоен, — удовлетворенно кивнул Шаньцы.

Что до маслбойни, то он поручил помощнику начальника уезда Ци найти опытного мастера в городе, а затем набрать рабочих. В те времена существовало множество способов отжима масла: рычажные, ножные, с использованием водяного колеса. Шаньцы вспомнил метод «водной варки» из трактата «Тяньгун кай-у», который использовали для получения кунжутного масла. Приготовленное таким образом масло было невероятно ароматным — его называли «ароматным маслом малого помола». Шаньцы намеревался взять этот способ за основу. К тому же, отжим делился на «сырой» и «горячий», и вкус у них заметно различался.

Иметь под рукой исполнительных людей — великое благо.

Мастера из канцелярии общественных работ трудились не покладая рук: едва закончив с

мастерской острого соуса, они принялись за маслобойню. Тем временем слава трактира семьи Чжэн в Синьфэне крепла с каждым днем. И чем больше прибыли он приносил, тем сильнее становилась зависть конкурентов.

Они даже наняли бродяг, чтобы те устроили скандал. Но стоило одному из них рухнуть на пол и зайтись в притворном вопле, как дяньши Чжу тут же скрутил его и отправил за решетку.

Пытались они запустить слух, будто в трактире Чжэнов люди травятся, но и эта уловка была раскрыта. Виновных обвинили в нарушении общественного порядка и отправили в ту же камеру — коротать время с первым неудачником.

Один раз — случайность, два — уже закономерность. Сметливые торговцы быстро сообразили: заведение появилось в Синьфэне внезапно, а из новоприбывших Чжэнов сейчас на слуху был только один — новый уездный начальник.

Стоило им сопоставить факты, как всё встало на свои места. Дяньши Чжу не стал бы усердствовать за просто так — защищать обычную лавку для него было ниже достоинства, но ради того, чтобы выслужиться перед чиновником Чжэном, — это совсем другое дело.

В мгновение ока трактир семьи Чжэн стал местом, где никто не смел чинить препятствий.

За первый месяц, за вычетом расходов на жалованье рабочим, материалы и аренду помещения, чистая прибыль составила пятьдесят лянов серебра. Пятьдесят тысяч медных монет! И это было только начало. Когда Шаньцы увидел гроссбух, он невольно вздохнул: «Торговля и впрямь приносит куда больше денег». Но он также понимал: в эти времена иметь богатство без власти — всё равно что ребенку держать золотой ключ. Нужна сила, способная это золото защитить.

Ланьи вложил свои пятьдесят лянов в дело, и Шаньцы решил делить прибыль поровну — по двадцать пять лянов каждому. Ланьи, валяясь на шезлонге, лишь лениво угукнул. У него всё еще оставались деньги от тайной продажи украшений, и хотя счетовод больше не выдавал ему наличных, он жил припеваючи. А теперь еще и супруг отдавал ему половину дохода трактира.

Юноша радостно вскинул кулак:

— Я снова при деньгах!

И, что самое приятное, эти деньги принес Шаньцы.

Шаньцы лишь улыбнулся. Для Ланьи эта сумма, возможно, была пустяком, но для чиновника — весьма существенной. Его жалованье составляло всего семь лянов в месяц. Один трактир приносил в семь раз больше, чем вся его служба.

Теперь, когда его отец и папа должны были вот-вот приехать, он чувствовал себя уверенно.

Погода становилась всё холоднее. Ланьи не умел шить, поэтому просто купил Шаньцы два комплекта теплых нижних одежд. Среди новинок в лавках ему ничего не приглянулось, так что он продолжал носить свои столичные наряды.

Больше всего он по-прежнему любил одежды из Павильона Золотых Одежд. К слову сказать, перед отъездом Ланьи умудрился задолжать там целую сотню лянов. Стоило ему покинуть столицу, как управляющий павильоном смиренно явился в поместье хоу Чанян за расчетом.

Фулан Юй был готов одновременно и плакать, и смеяться от выходок младшего сына.

— Матушка Цао, выдай ему деньги, — вздохнул он.

Когда управляющий ушел, фулан Юй ворчливо усмехнулся:

— Думал, я не замечу его проказ? Ну что за вздор! Неужто в поместье ему не дали бы эту сотню? Этот паршивец перед свадьбой обошел всех родственников... Видит бог, я его родил и все его мысли наперед знаю.

Матушка Цао улыбнулась:

— Молодой господин просто очень догадлив и шустр.

— Был бы он и впрямь догадлив, — вздохнул фулан Юй. — Чансин тоже отдал Ланьи немало денег. То, что братья так дружны, мне только в радость. Вот только Чансин всё никак не женится, и у меня сердце не на месте.

Стоило Юй Чансину вернуться домой, как на него снова обрушились разговоры о женитьбе. Подумав, он заявил, что во дворце срочно возникли дела, и сбежал ночевать на службу. Хоу Чанян и фулан Юй лишь переглянулись в бессилии.

***

Семья Чжэн закончила сборы. Чжэн Шаньчэн договорился с верными друзьями в деревне, чтобы те присмотрели за их хозяйством. Те, конечно, согласились.

Гэ'эр Линь взял с собой стеганую куртку. Сейчас пока хватало пары тонких рубах, но в пути наверняка похолодает. Они наняли повозку; возница устроился на козлах снаружи. Циньинь сжимал свой узел с вещами. Фулан Чжэн взял его за руку и принялся наставлять:

— Когда приедешь туда, во всем слушайся старшего и второго братьев. Почаще выходи гулять, не сиди взаперти. Береги себя. Ты у меня мальчик послушный, я не боюсь, что ты напраказишь, — боюсь только, как бы тебя кто не обидел.

В глазах Циньиня задрожали слезы; ему было невыносимо расставаться с родителями.

— Ну чего это я заладил о грустном! — спохватился фулан Чжэн. — Всё у тебя в Синьфэне будет хорошо. Я положил тебе в узел вяленого мяса, не забывай есть в дороге. Если станет не по себе — сразу говори брату или невестке.

Циньинь молча кивнул. Он порывисто обнял фулана Чжэна и прижался щекой к его плечу, точно маленький ребенок:

— Папа, я буду так по вам скучать...

— Экий ты уже большой, а всё как дитя! Пора тебе мир посмотреть, — папа легонько подтолкнул его к повозке. — Давай, садись скорее. Как доберетесь до места, пусть Шаньцы сразу весточку пришлет.

Младший брат взобрался на подножку и нырнул внутри. Откинув занавеску, он во все глаза смотрел на отца и папу.

Чжэн-отец негромко произнес:

— Поезжайте с богом. Будьте осторожны в пути.

Он похлопал Шаньчэна по плечу, и тот занял свое место. Гэ'эр Линь высунул голову и крикнул:

— Отец, папа, мы поехали!

— Ступайте, дети! Берегите себя! — отозвался фулан Чжэн.

Возница взмахнул кнутом, колеса зазаскрипели, оставляя на земле глубокие борозды.

Отец и папа Чжэн долго стояли у околицы, провожая их взглядом, пока повозка не превратилась в черную точку. Фулану Чжэну почудилось, будто издалека донеслось: «Папа!»

— Мне кажется, это Циньинь меня звал... — неуверенно произнес он.

— Только уехал, а ты уже по нему тоскуешь, — вздохнул отец. Но и сам он всем сердцем был с детьми. На душе было пустовато: всю жизнь они растили этих троих, а теперь остались в доме одни.

Фулан Чжэн всё еще смотрел вдаль, хотя повозка уже окончательно скрылась из виду.

Сидя в тряской повозке, Циньинь откинул полог. Деревня осталась позади, фигуры родителей превратились в крошечные пятнышки. Он изо всех сил сдерживал слезы. И только когда расстояние стало совсем огромным, он не выдержал и во весь голос крикнул: «Папа!»

Но путь был слишком долгим; неизвестно, услышал ли его фулан Чжэн.

Гэ'эр Линь, видя, что младший брат мужа плачет, преисполнился жалости и принялся ласково гладить его по спине:

— В первый раз всегда так, потом привыкнешь. К тому же мы с твоим старшим братом рядом, а в Синьфэне встретишь Шаньцы и его супруга.

Глаза Циньиня, омытые слезами, казались чистыми. Он смотрел на убегающий назад пейзаж и чувствовал, как внутри что-то проясняется. Закрыв глаза, он осознал, что теперь может оставить все горести деревни Цинсян в прошлом.

«Никто больше не будет меня связывать», — подумал он.

И хотя сердце по-прежнему щемило от воспоминаний, он поднял взгляд на Шаньчэна и встретил его обеспокоенный взгляд. На душе стало теплее — с ним его близкие. Глядя на проносящиеся мимо деревья, он ощутил робкую, едва заметную радость освобождения.

— Циньинь, нам предстоит проехать через многие земли. Смотри во все глаза — там всё совсем не так, как у нас в деревне, и обычаи другие! — Гэ'эр Линь быстро оправился от грусти и теперь так и светился от предвкушения.

— Мы всё-всё вместе посмотрим! — воодушевленно добавил он.

Циньинь теребил край одежды. Он едва заметно кивнул, и на его лице промелькнула робкая улыбка, точно лепесток стыдливой мимозы. Шаньчэн облегченно вздохнул.

До слуха юноши донесся крик птицы. Он выглянул и увидел стаю диких гусей, летящих на юг. Циньинь завороченно смотрел им вслед, пока они не превратились в точки на горизонте.

***

Фулан Чжэн и отец возвращались в деревню, когда им встретился старик Мяо.

— Куда это вы ходили налегке? — поинтересовался он.

— Проводили Шаньчэна, Гэ'эр Линя и Циньиня до повозки. Уехали они в Синьфэн, — ответил

отец.

— А вы-то чего же не поехали? — удивился Мяо, невольно завидуя.

— Наши предки веками жили в Цинсян, куда нам на старости лет срываться? К тому же холода скоро, Новый год на носу. Нам, старикам, и тут хорошо. Захочется — позже проведем, — с улыбкой пояснил фулан Чжэн.

— Это верно. Пусть молодые мир посмотрят, — вздохнул Мяо.

Весть об их отъезде мгновенно разлетелась по деревне. Отец Хэ сидел во дворе и курил трубку, собираясь после этого пойти перекопать огород. Услышав, как деревенские женщины судачат о том, что Чжэны отправились под крыло к Шаньцы, он лишь крепче сжал мундштук.

— Эх, повезло же Чжэнам! Шаньцы-то какой молодец — целый господин начальник уезда! Таких людей я в жизни не видал. Был в городе-то всего раз, мимо управы проходил — так ноги подкашивались. А он целым уездом правит, все ему подчиняются... О такой жизни только мечтать можно!

Отец Хэ подумал: кто бы не хотел такого сына? Каждый не прочь урвать кусочек от чужой удачи. Но люди ведь не дураки, кто позволит собой пользоваться? Он затыкнулся дымом. То, что Циньинь уехал, было к лучшему — пусть и его сын наконец выбросит эти бредни из головы. Найдет он Хэ Тяню справную жену, и заживут они тихо-мирно.

С тех пор как староста Хэ и его жена узнали о помыслах сына, они заперли его дома. Пусть остынет, пока делов не натворил. Тётушка Хэ, прослышав об отъезде Циньиня, поспешила отпереть дверь:

— Сынок, выходи, теперь можно.

Лицо Хэ Тяня дернулось:

— Матушка, вы на моей стороне?

— Глупый ты мой... Циньинь уже уехал в Синьфэн, так что и думать забудь. Мы с отцом подберем тебе другую невесту. Женишься, найдешь работу в городе — вот и заживешь как человек.

Лицо Хэ Тяня исказилось, он то бледнел, то багровел от ярости. Стиснув зубы, он прошипел:

— Почему вы только сейчас мне об этом говорите?! Вы же мне всё будущее погубили! С такими родителями разве добьешься чего в жизни?!

В душе его вскипело горькое раскаяние. Идти в город? Гнуть спину на богатых торговцев за гроши, кланяться каждому встречному? Когда он мог стать зятем самого уездного начальника! Зачем они ему помешали?!

Тётушка Хэ, увидев ненависть в глазах сына, похолодела от ужаса, но твердо произнесла:

— Сынок, выбрось это из головы. Это невозможно. Подумай сам: будь ты сыном знатного чиновника, взял бы ты в жены простого деревенского гэ'эра?

— Я бы... — «Конечно, нет», — мелькнуло в голове Хэ Тяня.

— Я не стану тебя больше уговаривать. Хочешь искать Циньиня — иди в Синьфэн сам, — отрезала мать.

Она и представить не могла, что, заботясь о сыне, навлечет на себя его ненависть. Сердце её было разбито.

***

В управе каждые пять дней полагался выходной — хюму. Шаньцы обещал Ланьи провести этот день с ним. С самого утра Ланьи облачился в наряд для верховой езды — он задумал вытащить мужа на пастбище.

Шаньцы выбрал себе смирную приземистую лошадку. Взобравшись в седло, он легонько погладил её по гриве. Ланьи же оседлал того самого коня, которого подарил ему Юй Чансин. Этот гордый зверь до сих пор смотрел на Шаньцы, раздувая ноздри от презрения. Шаньцы лишь усмехнулся и угостил свою лошадку пучком свежей травы.

Ланьи легко вскочил в седло. Увидев, что супруг оказался на голову ниже его, он с любопытством оглядел скакуна и расхохотался:

— Шаньцы, ну и ну! Где ты нашел такую малявку?

— Она не маленькая, просто порода такая — приземистая, — невозмутимо поправил его муж.

Лошадка обиженно уткнулась в ладонь Шаньцы, выпрашивая еще травы.

— Давай наперегонки! — азартно крикнул Ланьи. — Кто первый до того холма доскачет!

Чиновник кивнул, а Цзинь Юнь вызвался быть судьей. Стоило тому выкрикнуть: «Начали!», как Ланьи на своем вороном рванул вперед, точно пущенная стрела. Глядя же на Шаньцы, Цзинь

Юнь лишь невольно дернул уголком рта. Тот неспешно натянул поводья, двигаясь шагом.

Лошадка и не думала торопиться. Видать, раньше на ней ездили только нежные барышни, так что она привыкла к прогулочному темпу. Ланьи уже заждался его у цели. Когда Шаньцы наконец приблизился, супруг спрыгнул на землю:

— Ну почему ты так долго?!

— Твое искусство верховой езды выше всяких похвал, мне за тобой не угнаться, — признал муж.

Ланьи скрестил руки на груди и довольно сощурился:

— То-то же! Знай наших!

Лошади разбрелись к пруду напиться воды. Здесь всё было устлано мягкой травой. Ланьи заметил, как Шаньцы принялся задумчиво изучать кору одного из деревьев, и капризно надул губы, дергая его за рукав:

— Ну что там интересного? Ты же со мной пришел гулять!

— Прости, задумался, — улыбнулся Шаньцы. — Что ты хочешь делать дальше?

— Давай просто полежим на траве. Смотри, какая она мягкая! — Ланьи первым повалился в густую зелень, и муж последовал его примеру.

Казалось, он целую вечность не смотрел просто на небо. Здесь оно было пронзительно синим, и от одного взгляда на него на душе становилось ясно. Шаньцы повернулся на бок, глядя на Ланьи. Тот прикрыл глаза, подставляя лицо ласковому ветру. Пользуясь моментом, Шаньцы тоже закрыл глаза, наслаждаясь редкой минутой покоя.

Належавшись всласть, Ланьи повернулся, желая о чем-то спросить, но увидел, что Шаньцы уже спит. Он затаил дыхание и осторожно придвинулся ближе.

Юноша легонько коснулся его губ, а затем провел пальцем по кадыку.

***

Нагулявшись по пастбищу, в полдень они отправились обедать в трактир семьи Чжэн. Ланьи ел с отменным аппетитом. Шаньцы налил ему супа и поставил миску поближе. Он с удивлением отметил, что супруг вовсе не был привередлив в еде — он искренне радовался любому

вкусному блюду.

«В этом плане с ним легко ужиться», — подумал Шаньцы и невольно улыбнулся. Заметив капельку жира на губах Ланьи, он потянулся и осторожно стер её:

— Не тоторопись так.

Ланьи вдруг почувствовал, как к лицу приливает жар. Он поспешно запихнул в рот кусок баклажана и уткнулся в миску.

Закончив обед, Шаньцы отправился в мастерскую. Он раскрыл рабочим секрет приготовления соуса, предварительно взяв с них клятву о неразглашении. Третью рабочих были опытными мастерами, остальных же набрали со стороны; при этом Шаньцы велел отдавать предпочтение вдовам воинов.

С маслбойней всё обстояло так же. Первая партия соуса была еще не готова, но чиновник уже решил: как только она созреет, её первым делом начнут подавать в трактире семьи Чжэн — так слава о ней разлетится быстрее.

Сытый и довольный Ланьи потащил мужа в книжную лавку. Шаньцы тоже присмотрел себе несколько книг, но это были серьезные труды из Академии Ханьлинь, от одного взгляда на которые Ланьи терял интерес.

— Ланьи, хочешь танхулу? — Шаньцы кивнул на старика с лотком. Здесь боярышник рос в изобилии, так что и сладостей было вдоволь.

Ланьи очень хотел, но, увидев, что покупают их только детям, заупрямился:

— Не хочу. Это только малышне нравится.

Его чувства всегда было так легко прочесть. Шаньцы велел ему подождать, подошел к торговцу и вернулся с двумя палочками танхулу. Он молча протянул одну супругу и сам принялся за сладость. Боярышник оказался кислым; Шаньцы невольно вздрогнул.

— Осторожнее, они кислые, — предупредил он.

Ланьи откусил кусочек, и его лицо мгновенно исказилось. Он любил кислое только тогда, когда плохо себя чувствовал, но теперь такая кислотина была ему не по нутру. Он уже собрался всучить свою палочку мужу, но увидел, что тот довольно улыбается.

— Неужели так кисло? — поддразнил Шаньцы.

Ланьи запихнул танхулу ему в руки:

— Раз ты купил — ты и доедай!

— Если я съем столько сахара, у меня зубы разболятся, — притворно вздохнул Шаньцы.

— Разболятся — значит, терпи! — отрезал Ланьи.

Шаньцы рассмеялся, и взгляд его стал теплым, точно весеннее солнце.

— И тебе совсем не будет меня жалко?

— Зато всё вкусное мне достанется! — выпалил Ланьи, чувствуя, как сердце делает кувырок.

Рядом с супругом на душе становилось светлее.

— Шаньцы, тебе нужно купить новый венец. Будешь надевать его по выходным, — Ланьи принялся прикидывать размер. Муж его был хорош собой, так что нефритовый венец наверняка был бы ему к лицу.

— Хорошо, выбери сам, — смущенно отозвался Шаньцы. — Я в таких делах совсем не разбираюсь.

Ланьи просиял:

— Разве бывают совершенные люди? Раз ты не умеешь — я подберу тебе самый лучший!

<http://bllate.org/book/15809/1435474>